

Шарлотта Эйзинбург

A romantic scene between a male basketball player and a female student in a school hallway. The male player, wearing a blue and white varsity jacket, holds a basketball and leans towards the female student. She is wearing a grey hoodie and glasses, holding two books titled 'Topics in Sociology' and 'Modern Education'. They are standing in front of wooden lockers. The background shows a school hallway with a bulletin board, framed pictures, and a window looking out onto a building and a fountain.

РЕПЕТИТОР ДЛЯ МАЖОРА

Шарлотта Эйзинбург

Репетитор для мажора

«Литнет»

2026

Эйзинбург Ш.

Репетитор для мажора / Ш. Эйзинбург — «Литнет», 2026

Моя стажировка в Лондоне висит на волоске. Спасти её может только Марк Соболев — самый невыносимый мажор универа, если я смогу вдолбить в него эконометрику. Я мечтала просто пережить эти две недели зубрёжки. А потом узнала, что стала ставкой в его грязном пари на элитную тачку. Он хочет сорвать с меня броню правильной заучки и затащить в постель. Что ж, Соболев. Ты бросил вызов не той девчонке.

Содержание

Глава 1 (Тая)	5
Глава 2 (Марк)	8
Глава 3 (Тая)	11
Глава 4 (Марк)	13
Глава 5 (Тая)	15
Глава 6 (Тая)	17
Глава 7 (Марк)	19
Глава 8 (Тая)	22
Глава 9 (Марк)	25
Глава 10 (Тая)	27
Глава 11 (Тая)	29
Глава 12 (Марк)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1 (Тая)

— Мамуль, ну подожди, еще ничего не решено! — я прижимаю телефон плечом к уху, одновременно пытаюсь застегнуть непослушную молнию на стареньком рюкзаке. — Результаты отбора на летнюю стажировку будут только через две недели.

— Ой, Таечка, да кто, если не ты? — звенит в трубке радостный мамин голос. — Ты же у нас лучшая на потоке! Мы с папой так тобой гордимся, доченька. Папа вон уже всем на работе рассказал, а бабушка вообще весь подъезд на уши подняла. «Моя внучка летом в Лондон летит, в крупную финансовую компанию!».

Я зажмуриваюсь и тихонько вздыхаю, опускаясь на край своей скрипучей кровати.

— Мам, пожалуйста, скажи бабушке, чтобы пока не праздновала. Конкурс сумасшедший, всего два места на весь университет. Мне ещё нужно получить идеальную характеристику от ректората.

— Получишь, куда они денутся! Ладно, беги на учёбу, моя хорошая. Мы тебя очень любим!

Я сбрасываю вызов и закатываю глаза. Внутри всё сжимается от тягучего чувства ответственности. Я безумно люблю своих родителей. Они обычные учителя из маленького провинциального городка. Первое время после моего поступления они во всём себе отказывали, только чтобы оплачивать мое проживание в столице. Но я быстро поняла, что не могу и дальше тянуть из них последние соки. Поэтому уже на втором курсе нашла подработку.

Сейчас мне девятнадцать, я на третьем курсе, сама оплачиваю свои счета, работая в кафе-мороженом, и иду на красный диплом. Я просто не имею права подвести семью. Летняя стажировка в Лондоне — это мой билет в нормальную жизнь, шанс получить работу мечты и вытащить родителей на новый уровень.

— Опять предки в Лондон провожают? — раздаётся насмешливый голос с соседнего стола.

Моя соседка по комнате, Лера, щедро распыляет на себя лак для волос. На ней короткая, до неприличия яркая юбка и кроп-топ с эмблемой университетской сборной. В этом году Лерка наконец-то добилась своей главной цели и прошла в команду чирлидерш.

— Угу. Бабушка уже, наверное, чемоданы мне мысленно пакует, — я натягиваю свое любимое, безразмерное серое худи, в котором так уютно прятаться от окружающего мира и сквозняков в аудиториях. — Лер, ты на эконометрику идешь?

— Смеёшься? У нас через час тренировка! — она подмигивает своему отражению. — И вообще, Тась, сними ты уже этот мешок. Весна на улице! У тебя же отличная фигура. Как ты собираешься парня искать, если тебя за этим капюшоном не видно?

— Мне не нужен парень, Лер. Мне нужен красный диплом и стажировка в крупной компании, — сухо отзываюсь я, закидывая рюкзак на плечо. — И ещё мне нужно не опоздать на смену в кафе сегодня. Если шеф снова оштрафует меня за опоздание, я буду питаться одним ванильным мороженым до конца месяца.

Лера только закатывает глаза. Мы с ней живём в абсолютно разных вселенных.

Через пятнадцать минут я уже сижу на первом ряду в главной лекционной аудитории. У кафедры, как коршун, вышагивает Виктор Аристархович, гроза всего экономического факультета. Сдать ему эконометрику с первого раза — это как выиграть в лотерею.

Он резко разворачивается к доске и стучит мелом по сложной многоэтажной формуле.

— Итак. Кто может объяснить мне ошибку в этой модели множественной регрессии?

В аудитории повисает мёртвая тишина. Студенты старательно прячут глаза, делая вид, что очень заняты конспектами.

Я спокойно поднимаю руку.

— Скворцова? Ну, попробуйте, — профессор скептически кривит губы.

— Ошибка в нарушении условия гомоскедастичности, — четко чеканю я, даже не заглядывая в тетрадь. — Дисперсия остатков не постоянна, что делает оценки метода наименьших квадратов неэффективными. Нужно применить взвешенный метод.

Виктор Аристархович замолкает, пронзая меня взглядом из-под кустистых бровей. А затем едва заметно кивает.

— Абсолютно верно, Скворцова. Садитесь. Блестяще. Жаль только, — он обводит аудиторию тяжелым взглядом, останавливаясь на пустых местах на задних рядах, — что некоторые студенты, особенно наши так называемые «звёзды спорта», считают мою дисциплину необязательной.

Два часа эконометрики выжимают из всех соки. На большой перемене Лера перехватывает меня в коридоре и буквально силком тащит в столовую.

— Лер, я не могу, мне надо повторить лекцию.

— Никаких лекций! Ты сейчас в обморок упадёшь от голода, ботаничка моя, — безапелляционно заявляет подруга, усаживая меня за столик и ставя передо мной поднос с салатом.

Столовая гудит, как растревоженный улей. Я жую салат, просматривая рабочие чаты в телефоне, когда гул голосов внезапно меняет тональность. Становится громче, оживленнее. Девушки за соседними столиками синхронно выпрямляют спины и поправляют волосы.

Двери столовой распахиваются, и внутрь вваливается элита нашего универа. Баскетбольная команда в своих фирменных бомберах. Они громко ржут, толкают друг друга плечами и ведут себя так, словно этот университет принадлежит им.

И в центре всего этого парада тестостерона идет он. Марк Соболев.

Капитан команды. Главный мажор потока. Высокий, широкоплечий, с коротко выбритыми тёмными волосами и наглой, самоуверенной ухмылкой, от которой у половины девчонок в кампусе подкашиваются ноги.

— Боже, посмотри на него... — Лера рядом со мной издаёт благоговейный вздох, подпирая щеку рукой. Глаза у неё горят. — Какой же он нереальный. Ради таких парней я и пошла в группу поддержки, Тась. Говорят, он только что расстался со Смирновой с юрфака.

Я с раздражением наблюдаю, как Марк останавливается у столика второкурсниц. Опирается ладонями о столешницу, что-то лениво говорит, и девчонки тут же заливаются звонким, кокетливым смехом, стреляя в него глазками. Марк довольно усмехается, подмигивает одной из них и идёт дальше.

— Обычный напыщенный индюк с мячом, Лер, — фыркаю я, возвращаясь к своему салату. — У него в голове сквозняк и ценники от брендовых шмоток. Не понимаю, что вы все в нём нашли.

— Ты ничего не понимаешь в мужчинах, Скворцова, — вздыхает подруга, не отрывая взгляда от капитана.

Я лишь пожимаю плечами. Мне плевать на Марка Соболева и его свиту. У нас совершенно разные орбиты, которые никогда не пересекутся. Ему — тусовки, победы на паркете и бесконечные фанатки. Мне — формулы, бесконечная учёба и стажировка в Лондоне.

Я доедаю обед, собираюсь встать, чтобы отнести поднос, как вдруг мой телефон на столе начинает вибрировать.

На экране высвечивается номер секретаря деканата.

Я хмурюсь и беру трубку.

— Алло?

— Скворцова Таисия? — раздаётся строгий голос секретарши. — Быстро бросай все свои дела. Тебя срочно вызывает ректор.

— Ректор? — я холодею. Сердце ухает куда-то в желудок. — З-зачем? Я что-то нарушила?

— Без понятия. Сказал — немедленно. Ждёт в своем кабинете.

Гудки.

Я медленно опускаю телефон, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. Ректор никогда не вызывает студентов лично просто так. Либо это касается отчисления, либо...

Паника липкими щупальцами сжимает горло. Я подхватываю рюкзак и, ничего не объясняя шокированной Лере, срываюсь с места, едва не сбив по пути какого-то первокурсника.

Глава 2 (Марк)

Утро — это единственное время суток, когда я принадлежу только самому себе. Никаких нотаций от отца, никаких обязательок перед командой, никаких прилипчивых девиц. Только ритмичный стук кроссовок по асфальту, холодный весенний воздух, обжигающий лёгкие, и пульсирующий бит в наушниках.

Я делаю финальный рывок по аллее элитного посёлка, выжимая из мышц максимум, и плавно сбавляю темп, переходя на шаг. Спорт — это моя жизнь. На баскетбольном паркете или беговой дорожке всё честно: сколько вложил сил, такой результат и получил. В отличие от реальной жизни.

— Соболев! Не боишься мотор посадить с самого утра?

Я вытаскиваю один наушник и оборачиваюсь. С соседней дорожки ко мне трусцой подбегает Анжела. Второкурсница с моего факультета и по совместительству моя соседка по посёлку. Даже на утренней пробежке она выглядит так, словно сошла с обложки глянца: идеальный розовый костюмчик, подчеркивающий каждый изгиб, ни капли пота на лбу и лёгкий макияж. Вся такая эстетичная, правильная и... предсказуемая.

— Привет, Анжела, — я натягиваю на лицо свою фирменную ленивую ухмылку, сбавляя шаг, чтобы она поравнялась со мной. — Пытаешься за мной угнаться? Смотри, дышалку сорвёшь.

Она звонко смеется, кокетливо поправляя идеальный хвост.

— За тобой разве угонишься, Марк? Ты же у нас неуловимый. Может, подвезёшь меня сегодня до универа?

— Сегодня никак, детка. У меня ранняя тренировка, — я легко ей подмигиваю, зная, как это работает, и сворачиваю к высоким кованым воротам своего дома. — Увидимся на парах.

Я ввожу код на калитке и захожу на территорию. Огромный трёхэтажный особняк встречает меня тишиной и запахом дорогого кофе. Я единственный ребенок в семье, и этот дом всегда казался мне слишком большим и пустым для нас троих.

В холле меня уже ждёт наша домработница, Нина. Она молча и с тёплой улыбкой протягивает мне высокий стакан свежавыжатого апельсинового фреша.

— Доброе утро, Марк Романович.

— Спасибо, Нин, ты лучшая, — я залпом выпиваю половину стакана.

Из гостиной доносится голос матери. Она, как обычно, висит на телефоне, обсуждая с подругами организацию очередного благотворительного вечера. Светская львица, для которой внешний фасад семьи всегда был важнее того, что происходит внутри.

Я собираюсь проскользнуть к лестнице, чтобы принять душ, но в дверях столовой вырастает массивная фигура отца. Роман Соболев, владелец одной из крупнейших финансовых корпораций страны. На нём безупречный костюм, часы стоимостью с приличную квартиру, а на лице — выражение абсолютного, ледяного недовольства.

— В кабинет. Живо, — бросает он, разворачиваясь.

Я мысленно чертыхаюсь. Утро перестаёт быть томным.

Захожу следом за ним в просторный кабинет, обшитый тёмным деревом. Отец садится за массивный стол и тяжело смотрит на меня.

— Вчера поздно вечером мне звонил ректор, Марк, — начинает он без предисловий. Его голос звучит угрожающе тихо. — Ты в курсе, что через две недели у тебя пересдача по эконометрике?

Я мысленно закатываю глаза, прислоняясь бедром к кожаному дивану. Зимняя сессия. Тот самый «хвост», о котором я благополучно забыл.

— Пап, да расслабься, — я небрежно пожимаю плечами. — Виктор Аристархович просто старый принципиальный маразматик. Он валит всех подряд, а спортсменов особенно. Тупо завидует чужой молодости и здоровью. Я всё закрою, не проблема.

Кулак отца с грохотом опускается на полированную столешницу. Я невольно вздрагиваю.

— Не проблема?! — рывкает он, багровея. — Ты вообще берега попутал, сын?! У тебя в голове один мяч и твои девки! Виктор Аристархович не из тех, кому можно занести конверт. Он неподкупен, у него связи в самом Министерстве образования! Ректор вчера чуть ли не плакал мне в трубку, потому что он ничего не может сделать!

Отец вскакивает и начинает мерить шагами кабинет.

— Если тебя отчислят перед чемпионатом, мы бессильны! Но хрен с ним, с баскетболом! Как я доверю тебе корпорацию, если ты не можешь сдать базовый предмет своей специальности?! Ты должен управлять активами на миллиарды, а не мячом в кольцо попадать.

— Пап, баскетбол — это не просто мяч... — начинаю я, чувствуя, как внутри закипает глухая злоба. Для него всё, что я люблю, всегда было лишь блажью.

— Молчать! — обрывает отец. Он подходит ко мне вплотную, глядя прямо в глаза. — Слушай меня внимательно, Марк. Я ставлю тебе ультиматум. Либо ты через две недели сдаёшь эту чёртову эконометрику сам и приносишь мне ведомость с положительной оценкой, либо ты лишаешься моей поддержки. Полностью.

Я скептически скидываю бровь.

— Заблокируешь карточки?

— Я заберу у тебя машину, заблокирую счета, аннулирую твою квартиру в центре и отправлю работать курьером в один из наших филиалов на минимальный оклад, — ледяным тоном чеканит отец. — И поверь мне, я не шучу. Взрослая жизнь началась, сынок.

Он разворачивается и выходит из кабинета, оставляя меня стоять в звенящей тишине. Я сжимаю кулаки до хруста в костяшках. С отцом шутки плохи. Если он сказал, что вышвырнет меня на улицу без копейки, он это сделает, не моргнув глазом.

На утренней тренировке всё валится из рук. Я мажу три трехочковых подряд, не успеваю в защите, и тренер в итоге со свистом отправляет меня на скамейку запасных остыть.

Я тяжело падаю на скамью, накидывая на плечи полотенце и жадно глотая воду из бутылки. Рядом плюхается мой лучший друг и разыгрывающий нашей команды, Дэн.

— Бро, ты сегодня вообще не в фокусе. Что стряслось? — Дэн хлопает меня по плечу, тяжело дыша.

— Проблемы с тем старым хрычом по эконометрике, — мрачно отзываюсь я, стирая пот со лба. — Через две недели пересдача, а батя поставил ультиматум: если завалю, лишит всех бабок и тачки.

— Да ладно, не парься ты! — легкомысленно отмахивается Дэн. — На тройку как-нибудь вытянешь. Закажем шпоры, микронаушник вставим.

— Ты не понимаешь. Там глушилки стоят на пересдаче, а Аристархович лично над душой висит. А я вообще ни хрена не знаю. Я даже не помню, как этот учебник выглядит.

— Расслабься, решим, — Дэн пихает меня локтем в бок и кивает в сторону паркета, где сейчас репетирует новая группа поддержки. Девушки в коротких юбках синхронно взмахивают помпонами. — Подними себе настроение. Ты же со Снежкой только на днях расстался, у тебя банальный недотрах. Тебе бы снять напряжение. Посмотри вон на тех новеньких из чирлидинга. Запрись с одной в туалете на пять минут и сразу легче станет.

Я перевожу взгляд на девчонок. Короткие юбки, идеальные ноги, игривые взгляды, которые они то и дело бросают в нашу сторону. Раньше я бы так и сделал. Снял бы напряжение и забыл. Но сейчас, глядя на них, я чувствую только... скуку. Они все одинаковые. Предсказуемые до зубного скрежета. От них заранее знаешь, что услышишь и как они будут себя вести.

— Не сегодня, Дэн. Скучно это всё, — морщусь я, бросая полотенце на скамью.

После тренировки и душа мы всей командой вваливаемся в университетскую столовую на большой перемене. Это наш ежедневный ритуал. Мы заходим громко, ржём над какой-то шуткой Дэна, пиhaем друг друга в плечи. Я привык к тому, что, когда мы появляемся, зал немного затихает, а девчонки за столиками начинают выпрямлять спины.

Мой взгляд скользит по столовой и натывается на второкурсниц. За одним из столиков сидит утренняя знакомая — Анжела. Заметив меня, она тут же расплывается в призывной улыбке и машет рукой, подзывая к себе.

Я, не меняя траектории, подхожу к её столику и по-хозяйски опираюсь ладонями о столешницу, нависая над ней.

— Что, Анжела, так сильно соскучилась с утренней пробежки, что уже жить без меня не можешь? — нагло усмехаюсь я.

Девчонки за её столиком тут же заливаются звонким, кокетливым смехом, переглядываясь. Анжела стреляет в меня глазами.

— А если и так? Сядешь с нами?

— Я обедаю с командой, детка, — я самодовольно подмигиваю ей, отталкиваясь от стола и иду к парням, которые уже заняли наш большой стол у окна.

Я сажусь, подтягивая к себе поднос с едой, но не успеваю съесть ни кусочка. Мой телефон, лежащий на столе, вибрирует.

Смотрю на экран. Звонок из приёмной ректората.

Я хмурюсь, переглядываясь с Дэном, и беру трубку.

— Да?

— Соболев? — раздается сухой, официальный голос секретарши. — Бросай всё и немедленно дуй в кабинет ректора. Тебя ждут. И советую поторопиться.

В трубке раздаются короткие гудки. Я медленно опускаю телефон. Ну зашибись. Кажется, петля на моей шее затягивается еще туже.

Глава 3 (Тая)

Я влетела в приёмную деканата так, словно за мной гналась стая голодных волков. Сердце колотилось где-то в горле, грозясь выскочить из груди, а дыхание сбилось настолько, что я едва могла связно говорить. Секретарь, даже не подняв на меня глаз, сухо кивнула на тяжёлые дубовые двери.

Ректор ждал.

Стараясь утихомирить сбившееся дыхание, я осторожно толкнула дверь и переступила порог просторного, залитого светом кабинета.

— А, Скворцова. Проходи, присаживайся, — ректор, тучный мужчина в дорогом костюме, указал на стул напротив своего стола. — Я изучил твоё личное дело. Идеальная успеваемость, активная деятельность. И, насколько мне известно, ты претендуешь на летнюю стажировку в Лондоне?

— Да, — я нервно сглотнула, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. — Жду вашей рекомендации.

— Рекомендация будет, — он откинулся в кресле, сцепив пальцы в замок. — Но университету нужна ответная услуга. Ты ведь у нас лучшая на потоке по эконометрике?

Я неуверенно кивнула, не понимая, к чему он ведёт.

— Наш капитан баскетбольной сборной, Марк Соболев, завалил этот предмет на зимней сессии. Через две недели у него пересдача, а ты сама знаешь, какой у Виктора Аристарховича принципиальный и строгий подход. Он ни для кого не делает исключений.

Соболев учится на параллельном потоке, их группа сдавала эконометрику ещё в зимнюю сессию. И, видимо, главная звезда университета с треском провалилась... Только причём здесь я?

Ректор подался вперед, опираясь локтями о стол. В его глазах мелькнул жесткий, расчетливый блеск.

— Если Соболев не сдаст, его отчислят. А у нас на носу главный чемпионат. Спонсоры вложили в нашу команду колоссальные деньги, и, если мы проиграем из-за отсутствия капитана... у меня и у всего вуза будут серьезные проблемы.

Я сидела, вцепившись побелевшими пальцами в ляпку своего старенького рюкзака. Внутри всё сжалось.

— И что конкретно от меня требуется? — спросила я тихо. — Сдать экзамен за Соболева?

— Нет. Ты будешь его репетитором, — отрезал ректор. — Две недели плотных индивидуальных занятий. Подготовь его так, чтобы он не просто мычал у доски, а сдал. Если Соболев получает положительную оценку — я лично подписываю тебе самую блестящую рекомендацию для Лондона. Если он завалит... можешь про стажировку забыть.

Я упрямо вскинула подбородок, хотя в груди всё дрожало и горело от напряжения.

— Это шантаж! Вы не имеете права так поступать! Это незаконно!

Ректор лишь снисходительно усмехнулся, словно я сказала что-то невероятно глупое и наивное.

— Это жизнь, Скворцова. Мы помогаем друг другу.

В этот момент интерком на столе коротко пискнул, и голос секретарши доложил:

— Марк Соболев подошел.

— Пусть войдет, — скомандовал ректор, а затем понизил голос и выжидающе посмотрел на меня: — Ну, Таисия? Каким будет твой ответ?

Я закусила губу так сильно, что почувствовала вкус крови. Это была огромная ответственность. Я совершенно не была уверена, что из этой обезьяны с мячом всего за две недели можно сделать человека.

— Я... я не уверена, что смогу, — выдохнула я. — Он же... он же невыносим.

— Брось ты, Таисия, нет ничего невозможного, — ответил ректор.

Глядя в его фанатично горящие глаза, я поняла: он упрется. Из-за своих баскетболистов и спонсоров он действительно лишит меня Лондона, ради которого я пахала три года.

— Я согласна, — процедила я сквозь зубы.

Двери распахнулись. В кабинет ленивой, вальяжной походкой вошел Соболев. Он оказался настолько близко, что я тут же почувствовала аромат его парфюма — дерзкий, дорогой, уверенный, точно такой же, как и его обладатель.

— Вызывали? — нагло бросил он.

— Марк, знакомься. В течение двух недель Таисия Скворцова будет твоим репетитором. Она подготовит тебя к пересдаче по эконометрике, — безапелляционно заявил ректор.

Марк замер. Его глаза скользнули по моему серому, безразмерному худу, и в них вспыхнула откровенная насмешка. Он презрительно скривил губы.

— Кто? Она? Вы издеваетесь?

— Я абсолютно серьезен, Соболев. Идите. И договаривайтесь о расписании. От этого зависит ваше будущее. Обоих.

Я пулей вылетела из кабинета, мечтая просто оказаться как можно дальше от этого невыносимого парня. Но не успела я сделать и десяти шагов по пустому коридору, как Марк ловко и почти незаметно преградил мне путь, встав так, что я чуть не налетела на него.

Его губы растянулись в сальной, издевательской ухмылке. Он склонился ко мне, понижая голос до полусеппота.

— Ну что, крошка? Решила подзаработать дополнительных баллов? — его рука вдруг скользнула ниже моей талии, и он попытался нагло ущипнуть меня за ягодицу. — Признавайся, будешь плохой училкой? Будешь меня наказывать?

Щеки мои вспыхнули с новой силой, а тело предательски напряглось. От возмущения и злости у меня сорвало тормоза.

Я резко ударила его по руке, а затем своими маленькими ладонями мертвой хваткой вцепилась в плотную ткань его дорогущего брендового свитшота. С силой дёрнула на себя, заставляя его слегка наклониться, и посмотрела прямо в эти наглые, насмешливые глаза.

— Послушай меня внимательно, Соболев, — прошипела я. Голос дрожал от гнева, но я заставила себя звучать максимально четко. — Если ты не сдашь этот чёртов экзамен, меня лишат стажировки всей моей жизни. Так что без шуток и твоих дебильных подкатов. Сегодня в четыре часа я жду тебя в библиотеке. Опоздаешь хоть на минуту — я устрою тебе персональный ад.

Я с силой оттолкнула его, развернулась на пятках и, гордо взмахнув собранными в хвост волосами, зашагала по коридору.

— Надень юбку покороче, училка! — полетел мне в спину его насмешливый, самодовольный голос. — Терпеть не могу скучные занятия!

Глава 4 (Марк)

Четыре часа и семь минут. Я не спеша толкаю тяжёлую стеклянную дверь университетской библиотеки.

Я специально опоздал. Немного, ровно настолько, чтобы показать этой зазнавшейся выскочке, кто здесь устанавливает правила. Никто не смеет указывать Марку Соболеву, во сколько ему приходиться, тем более какая-то серая мышь в безразмерном мешке вместо одежды.

Но, чёрт возьми, то, как она вцепилась в мой свитшот в коридоре... Я невольно усмехаюсь, вспоминая её побелевшие костяшки на маленьких пальцах и горящие яростью глаза. В них не было ни капли благоговения или страха, к которым я привык. Только чистый, неразбавленный вызов. Это даже забавно.

Библиотека в это время почти пуста. Я безошибочно нахожу её за самым дальним столом у окна. Скворцова обложила стопкой толстенных талмудов и что-то быстро строчит в тетради, низко склонив голову. Волосы собраны в строгий хвост, на носу — очки в тонкой оправе. Типичная, эталонная ботаничка.

Я подхожу почти бесшумно и с громким стуком бросаю свой рюкзак прямо на её идеально разложенные конспекты.

Она вздрагивает, резко вскидывая голову.

— Опоздал на семь минут, Соболев, — чеканит она, сдвигая брови.

— Пробки на лестнице, крошка, — я вальяжно отодвигаю стул и сажусь напротив, широко расставив ноги. Откидываюсь на спинку, скрещивая руки на груди, и с откровенной насмешкой оглядываю её с ног до головы. — Ну что, начнем наше наказание? Я весь в твоём распоряжении.

Я вижу, как она сжимает челюсти. Её пальцы нервно перебирают карандаш.

— Доставай тетрадь и ручку. Напишешь входное тестирование, чтобы я понимала, с какого уровня дна нам придётся подниматься.

Я даже не шевелюсь.

— А если не достану? Поставишь двойку в дневник и вызовешь родителей к директору?

Тая откладывает свою ручку. Делает глубокий вдох, явно пытаясь успокоиться. А затем наклоняется вперед, опираясь локтями о стол.

— Соболев, давай проясним одну вещь, — её голос звучит тихо и напряженно. — Мне абсолютно плевать, сколько мячей ты забиваешь в корзину и сколько первокурсниц сохнет по твоим бицепсам. Для меня ты — просто тупая проблема, стоящая между мной и Лондоном. Если ты не напишешь этот тест, я прямо сейчас встаю, иду к ректору и говорю, что ты отказался от занятий. И тогда твой папочка, или кто там тебя спонсирует, узнает об отчислении еще до ужина.

Стерва. А она умеет бить по больному.

Меня вдруг накрывает странным азартом. Я подаюсь вперед, зеркала её позу. Расстояние между нашими лицами сокращается до опасного минимума. Я почти чувствую её легкий, свежий запах, пробивающийся сквозь библиотечную пыль.

— А ты дерзкая, Скворцова, — произношу я тихо, едва слышно для окружающих, понижая голос до хриплого полушёпота. Смотрю прямо в её глаза, не мигая. — Думаешь, сможешь меня заставить?

Её щеки мгновенно вспыхивают ярким румянцем. Бинго. Тело реагирует, даже если мозг сопротивляется. Я вижу, как у неё учащается дыхание, как она судорожно сглатывает, но упрямо не отводит взгляд.

— Я не собираюсь тебя заставлять, — почти шепчет она в ответ, и в её голосе предательски проскальзывает дрожь. — Я просто констатирую факты. Если тебе плевать на последствия — дверь там.

Мы сверлим друг друга взглядами еще несколько долгих секунд. Искры можно ножом резать. Я понимаю, что она не блефует. Эта ненормальная реально пойдет к ректору, а батя сдержит слово и заблокирует мне все счета.

Я медленно, не разрывая зрительного контакта, отодвигаюсь назад. Расстегиваю молнию на рюкзаке и достаю оттуда смятую общую тетрадь и первую попавшуюся ручку. Бросаю их на стол.

— Давай свой тест, училка.

Она победно, но как-то нервно выдыхает. Пододвигает ко мне лист А4, исписанный формулами, графиками и какими-то матрицами.

Я опускаю взгляд на бумагу.

Гомоскедастичность. Мультиколлинеарность. Метод наименьших квадратов.

Смотрю на эти слова, как баран на новые ворота. Они звучат как заклинания на латыни для вызова дьявола, а не как что-то, что можно решить с помощью калькулятора.

— На решение у тебя сорок минут, — ледяным тоном сообщает Тая, возвращаясь к своему конспекту и даже не глядя на меня. — Пользоваться телефоном нельзя. Попытаешься списать, забираю лист. Время пошло.

Я верчу ручку в пальцах, глядя на пустой лист в своей тетради. Полная задница. Я реально ни хрена не знаю.

Я бросаю взгляд на Скворцову. Она сидит прямая как струна, сосредоточенно строча что-то в своей тетради. За этим дурацким мешковатым худи скрывается девчонка, которая держит меня за яйца крепче, чем весь ректорат вместе взятый.

Ну ничего. У нас есть две недели. Посмотрим, ботаничка, кто кого сломает первым.

Глава 5 (Тая)

Сорок минут тянутся невыносимо медленно. Библиотечная тишина давит на уши, прерываемая лишь редким шелестом страниц да раздраженным чирканьем ручки напротив.

Я делаю вид, что полностью погружена в свой конспект по макроэкономике, но на самом деле мой взгляд то и дело предательски соскальзывает на Соболева.

Он сидит, низко склонившись над несчастным листком с тестом. Рукава его дорогого чёрного свитшота небрежно закатаны до локтей, обнажая крепкие предплечья с лёгкой сеткой выступающих вен. Широкие плечи напряжены, словно он готовится к прыжку, а не решает задачки. Тёмные волосы в лёгком, художественном беспорядке падают на лоб.

Мой взгляд скользит ниже. Упрямый, волевой подбородок. Чётко очерченные, хищные скулы. И эти тёмные глаза, в которых сейчас плещется откровенное раздражение пополам со скукой.

Как же несправедлива природа. Ну вот как в таком потрясающе красивом теле может жить такой несносный, самовлюбленный придурок? Ему бы на обложках мужского глянца позировать или в кино сниматься, а не портить мне жизнь и убивать мои нервные клетки.

— Время вышло, Соболев, — я демонстративно стучу ногтем по стеклу наручных часов, отгоняя непрощенные мысли о его привлекательности. — Сдавай работу.

Он с шумным выдохом откидывается на спинку стула, небрежно бросая ручку на стол.

Я пододвигаю к себе его тетрадь, мысленно готовясь увидеть кучу ошибок. Но реальность оказывается куда хуже. Я замираю, не веря своим глазам.

— Ты издеваешься? — я вскидываю на него возмущенный взгляд. — Ты нарисовал... баскетбольный мяч вместо графика распределения?

— Я художник, я так вижу твою эконометрику, — нагло ухмыляется он, закидывая руки за голову и поигрывая бицепсами.

Я до боли стискиваю зубы. Внутри всё закипает от возмущения.

— Марк, — я подаюсь вперёд, опираясь ладонями о стол. — Это не шутки. У тебя здесь абсолютный, кристально чистый ноль. Ты даже базовые понятия не знаешь! Твои знания — это просто пустышка!

Ухмылка внезапно сползает с его лица. В тёмных глазах на секунду мелькает что-то жёсткое, холодное.

Он медленно подаётся вперёд, стирая, между нами, дистанцию, и смотрит на меня так пронзительно, что у меня перехватывает дыхание.

— Твои формулы, Сковорода — это мёртвая теория для тех, кто боится реальных денег, — его голос звучит низко и хлётко, без капли прежнего шутовства. — Зачем мне зубрить твою гомоскедастичность, если в реальном бизнесе дисперсия рисков просчитывается не на бумажке, а на понимании рынка и инсайдах? Твой метод наименьших квадратов не спасёт компанию от кассового разрыва, если поставщик сорвёт сроки, а инфляция сожрёт маржу. Я практик, Тая. Я чувствую цифры, а не рисую их.

Я замираю. Внутри всё словно обрывается. Мои губы приоткрываются, а в голове на секунду воцаряется звенящая пустота.

Что?

Это говорит... он? Тот самый парень с мячом, у которого в голове якобы один сквозняк? Его слова бьют точно в цель — это не просто зазубренная фраза из учебника, это жёсткая экономическая логика, сказанная человеком, который реально понимает, как работают большие деньги.

Но тут Марк снова откидывается на спинку стула, и на его губах расцветает прежняя, наглая и сальная улыбка.

— Так что, может, перейдём от нудной теории к горячей практике?

Наваждение спадает так же резко, как и появилось. Я судорожно сглатываю, чувствуя, как щёки снова заливают краска гнева и... смущения.

Господи, о чем я только думаю! Конечно же, он это не сам придумал. Наверняка просто заучил красивую цитату из какого-нибудь недавнего интервью своего отца для делового журнала, чтобы пускать пыль в глаза таким дурочкам. А я почти поверила, что за этими мускулами скрывается интеллект.

— Если для тебя это «мёртвая теория», зачем ты вообще пришёл? — я упрямо вздерживаю подбородок, не отступая ни на миллиметр. — Ах да. Дай подумать, видимо, папочка лишит бедного, несчастного мажорчика денег, если ты вылетишь из университета?

Желваки на его скулах подрагивают. Бинго. Я нащупала больное место.

— Значит так, — я решительно придвигаю к нему чистый лист бумаги и с силой вкладываю ручку прямо в его широкую ладонь. Наши пальцы на долю секунды соприкасаются, и меня словно током ударяет от этого обжигающего, случайного контакта. Я поспешно отдергиваю руку, надеясь, что он этого не заметил. — Мы начинаем с самых азов. И ты будешь сидеть здесь и писать конспект, пока у тебя из ушей не пойдёт дым.

Марк медленно переводит тяжелый взгляд с ручки на моё пылающее от румянца лицо.

— Как скажешь, злая училка. Но учти... я очень непослушный ученик. Тебе придется применять жесткие методы наказания.

— Не переживай, — я мстительно улыбаюсь, открывая перед ним толстенный задачник на первой главе. — У меня чёрный пояс по выносу мозга. Пиши. Тема первая...

Глава 6 (Тая)

Я влетаю в служебную дверь кафе-мороженого, на ходу пытаюсь отдышаться. Легкие горят, волосы растрепались, а сердце колотится где-то в самом горле. Я опоздала. Из-за этого невыносимого Соболева и его выходок я опоздала на свою смену на целых пятнадцать минут!

Узкий коридорчик возле раздевалки преграждает массивная фигура нашего администратора, Антона. Он выразительно стучит пальцем по циферблату своих часов, скрещивая руки на груди.

— Скворцова. Снова.

— Антон, прости, пожалуйста! — я умоляюще складываю руки на груди, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. — Меня ректор задержал, клянусь, это не по моей вине!

— Тая, послушай меня, — его голос звучит сухо и официально, от чего внутри всё сжимается. — Ты отличный сотрудник, но твои опоздания становятся плохой привычкой. Если ты не справишься и не можешь совмещать свою учёбу с нашей работой, нам придётся попрощаться. Я не могу закрывать на это глаза вечно. На этот раз прощаю. Переодевайся и бегом в зал, там уже толпа.

Я судорожно киваю и юркаю в тесную раздевалку. Руки до сих пор предательски дрожат, пока я стягиваю своё безразмерное худи и натягиваю фирменную футболку поло, повязывая поверх ярко-розовый рабочий фартук с логотипом в виде рожка мороженого.

— Эй, ты чего такая бледная? — моя напарница, Оля, закрывает шкафчик и обеспокоенно заглядывает мне в лицо. — Стряслось что-то?

— Стряслось, Оль. Конец света локального масштаба, — я со стоном опускаюсь на маленькую скамейку и прячу лицо в ладонях. — Ректор под угрозой лишения стажировки заставил меня стать репетитором для одного мажора. Для капитана баскетболистов. А он абсолютно невыносим! Привык, что ему всё на блюде с голубой каемочкой приносят, сидит, ухмыляется, мячики в тетради рисует... А я из-за него чуть работу не потеряла!

Оля сочувственно хлопает меня по плечу.

— Держись, подруга. Выхода всё равно нет. Выдыхай и пошли к витринам.

Работа всегда меня спасала. Рутинa успокаивает. Я погружаюсь в привычный ритм: улыбаюсь посетителям, ловко закручиваю шарики фисташкового и клубничного мороженого в хрустящие вафельные рожки, пробиваю щеки, протираю столики. Запах ванили и свежесваренного кофе немного приводит нервы в порядок.

В редкую минуту затишья, когда в зале почти никого нет, в кармане фартука вибрирует телефон.

Я достаю его и вижу сообщение от бабули. На экране высвечивается фотография: потрясающе красивый, объемный свитер крупной вязки глубокого изумрудного цвета. И короткая приписка ниже: *«Довязала! Это тебе для туманного Лондона, моя золотая девочка. Чтобы не мерзла. Мы в тебя верим!»*

Горло мгновенно перехватывает тугим спазмом. Глаза предательски начинает щипать. Я прижимаю телефон к груди, чувствуя, как щемит сердце от нежности и огромного, неподъемного груза ответственности.

Я просто не могу их подвести. Ни себя, ни родителей, ни бабушку с её трогательным свитером. Если для этого нужно заставить Марка Соболева вы зубрить эконометрику до кровавых слёз — я это сделаю.

Колокольчик на входной двери весело звенит, вырывая меня из мыслей. Я быстро смахиваю непрошеную слезинку и натягиваю дежурную улыбку.

— Добро пожало... Лерка?!

К витрине, тяжело дыша, подлетает моя соседка по комнате. На ней всё еще надета короткая юбка чирлидерши и форменный бомбер.

— Скворцова! Я тебя по всему кампусу искала! Куда ты пропала после пар? — Лера опирается локтями о стеклянную витрину с мороженым, её глаза горят совершенно сумасшедшим блеском.

— Я на работе, вообще-то. Что случилось? Мы горим?

— Лучше! Смотри! — она с видом победительницы выуживает из кармана бомбера два плотных, тисненых золотом прямоугольника и машет ими перед моим носом. — Приглашительные! На закрытую вечеринку «Весенний круиз»!

Я непонимающе моргаю.

— Куда?

— Тася, ты вообще в бункере живешь?! — закатывает глаза подруга. — Это закрытая ежегодная тусовка на трехпалубном прогулочном корабле! Её устраивает студсовет вместе с главными спонсорами универа. Туда пускают только элиту, инвесторов, спортивные сборные и... нас, чирлидерш, для украшения вечера! И нам выдали +1!

— Здорово. Поздравляю, — я равнодушно пожимаю плечами, поправляя ценник на лотке с манговым сорбетом. — Позови Светку с потока, она оценит.

— Тая, ну пожалуйста! — Лера молитвенно складывает руки. — Мне одной стрёмно! Там такие люди будут, я боюсь растеряться! Пойдем со мной, а? Это через три дня, в пятницу вечером!

— Лер, нет. Ты же знаешь, мне это абсолютно неинтересно. Я не люблю пьяные тусовки мажоров, да и мне к семинарам готовиться надо.

— Тась... — Лера понижает голос, пуская в ход тяжелую артиллерию. — Я буду убирать нашу комнату. Сама. Целый месяц. Никаких графиков дежурств. А? Ну соглашайся! Там же будет вся сборная! Денис, Глеб... и Марк Соболев! — она мечтательно хлопает накрашенными ресницами, произнося его имя с благоговением.

Я не выдерживаю и обреченно выдыхаю.

— Лер, умоляю, только не Соболев. Он мне уже вот где сидит, — я выразительно провожу ребром ладони по горлу.

— В смысле? — подруга удивленно хлопает глазами. — Вы же даже не пересекаетесь.

— Пересекаемся. Еще как, — я тяжело вздыхаю, понимая, что скрывать это больше нет смысла. — Ректор заставил меня стать его репетитором. Я теперь должна подготовить эту гору мышц к пересдаче, иначе прощай Лондон.

Челюсть Леры медленно отвисает. Она хватает ртом воздух, собираясь выдать какую-то невероятно бурную тираду, но...

Дзинь!

Колокольчик на входной двери заливается громким, настойчивым звоном. В кафе вваливается шумная компания, заполняя уютное пространство громким смехом и низкими мужскими голосами.

Я поднимаю взгляд от витрины и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Прямо ко мне, расталкивая плечами друзей, идет Марк Соболев. В своей дорогой брендовой одежде он выглядит в нашем маленьком кафе абсолютно чужеродным элементом. Его взгляд скользит по моему дурацкому розовому фартуку, останавливается на логотипе-рожке, и на губах расцветает та самая медленная, до одури наглая и сальная улыбка.

— Ну надо же, — тянет он бархатным голосом, опираясь руками о мою витрину и заглядывая мне прямо в глаза. — А я всё думал, где моя строгая училка берёт такие ледяные манеры. Оказывается, работает Снежной Королевой. Взвесь-ка мне пломбира, крошка.

Глава 7 (Марк)

Тренировка выматывает тело, но совершенно не прочищает мозги. В голове до сих пор крутятся эти проклятые графики и ледяной тон Скворцовой. *«Твои знания — это просто пустышка!»* Я сжимаю руль своего внедорожника так, что белеют костяшки. Никто и никогда не разговаривал со мной в таком тоне. Тем более девчонки, которые обычно смотрят на меня снизу вверх, хлопая ресницами.

В салоне машины стоит невыносимый гул. Дэн на пассажирском сидении заливает в телефон подпевая музыке, звучащей из колонки. А на заднем сиденье громко ржут и пихают друг друга локтями еще трое наших парней из основы — Глеб, Макс и Фил.

— Опа! Тормози, бро! Вон там, паркуйся, — Дэн хлопает меня по плечу.

— Зачем? — я лениво перевожу взгляд на яркую вывеску небольшого кафе-мороженого.

— Туда только что упорхнула Лерочка. Новенькая из чирлидинга, блондиночка с шикарными формами, — Дэн многозначительно поигрывает бровями. — Идеальный шанс подкатить в неформальной обстановке. Зайдём всей толпой, съедим по рожку, снимем стресс.

— Ты же говорил, что такие как она не в твоём вкусе?

— Для статистики пойдёт, — отмахивается Дэн. — Надо закрыть девочку, для баланса во вселенной.

Я закатываю глаза, но глушу мотор. Домой к отцу с его вечными нотациями возвращаться всё равно не хочется.

— Иди один, Казанова.

— Да ладно тебе, Марк! Проветришься. Ты сегодня сам не свой. Пацаны, вываливаемся!

Задние двери открываются, и парни с гоготом выбираются наружу. Я со вздохом выхожу следом за ними. Пятеро двухметровых лбов. Мы занимаем собой половину тротуара.

Пока мы приближаемся к стеклянным дверям, мой взгляд машинально оценивает локацию. Привычка, вбитая отцом на подкорку. Проходное место рядом с кампусом, трафик студентов огромный, витрины чистые... но концепция абсолютно мёртвая. Если бы они оптимизировали фудкост, урезали ассортимент дешевого масс-маркета и ввели крафтовые позиции с высокой маржой, могли бы поднять чистую прибыль процентов на тридцать. А так — типичный мелкий бизнес, который балансирует на грани окупаемости.

Дзинь!

Мы вваливаемся внутрь. Парни громко смеются над очередной шуткой Макса, заполняя крошечный уютный зал низкими голосами и тестостероном.

Я окидываю взглядом помещение и тут же замираю, как вкопанный.

За стеклянной витриной, в дурацком розовом фартуке с нелепым рожком на груди, стоит она.

Тая.

Моя личная заноза в заднице.

Её глаза расширяются от шока, когда она видит меня. А я чувствую, как губы сами собой растягиваются в медленной, предвкушающей улыбке. Это даже лучше, чем я мог себе представить. Идеальная, правильная Скворцова, которая только сегодня отчитывала меня в библиотеке, работает здесь обслугой.

Я расталкиваю парней плечами и подхожу прямо к витрине. Опираюсь руками о стекло, нависая над ней, и заглядываю прямо в её возмущенные глаза.

— Ну надо же, — тяну я бархатным голосом. — А я всё думал, где моя строгая училка берёт такие ледяные манеры. Оказывается, работает Снежной Королевой. Взвесь-ка мне пломбира, крошка.

Её оцепенение длится ровно секунду. Затем взгляд становится острым, как бритва.

— Извини, Соболев, но для того, чтобы купить здесь мороженое, нужно уметь считать деньги, — чеканит она так звонко, что Фил и Макс за моей спиной замолкают. — А у тебя, как мы сегодня выяснили, с базовой математикой серьёзные проблемы. Так что иди поиграй с мячиком на улице, не мешай работать.

Мои челюсти рефлекторно сжимаются. Ах ты ж маленькая стерва.

— Мне не нужно считать деньги, Сковцова. Я всегда оставляю чаевые таким... нуждающимся, — я небрежно достаю из бумажника пятидесятичную купюру и бросаю на стеклянный прилавок. — Делай свою работу.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, но молча берет хрустящий вафельный конус и яростно впечатывает в него шарик мороженого. Вручает мне так, словно это граната с выдернутой чекой.

Я забираю рожок и отхожу от кассы. Глеб, Макс и Фил уже оккупировали самый большой стол у окна, а вот Дэн зря времени не теряет. Он зажал ту самую блондинку-чирлидершу в углу зала возле стойки с сиропами, вальяжно опираясь рукой о стену над её головой.

— Значит, профессионально машешь помпонами и ешь сладкое? — доносится до меня низкий, воркующий голос Дэна. — Опасное сочетание, Лера.

Девчонка заливается густым румянцем, кокетливо накручивая локон на палец.

— Мы на тренировках сжигаем много калорий. Могу себе позволить.

— Я знаю пару способов сжигать калории гораздо эффективнее, — Дэн пускает в ход свою фирменную обаятельную улыбку. Достает из кармана её бомбера телефон и вбивает свой номер. — Дэн. Разыгрывающий сборной. Звони, если понадобятся... индивидуальные тренировки.

Лера смотрит на экран так, словно ей только что вручили Оскар.

— Записала, — выдыхает она, хлопая ресницами. — Увидимся на «Весеннем круизе» в пятницу?

— Обязательно, детка. Жду.

Она бросает на него последний восхищенный взгляд, поправляет юбку и пулей вылетает из кафе с горящими от счастья глазами. Дэн довольно хмыкает, прячет руки в карманы и подходит ко мне. Мы вместе направляемся к нашему столику, где уже ржут над чем-то остальные парни.

Я падаю на стул, отставляя недоеденное мороженое в сторону. Настроение окончательно испорчено.

— Красиво сработал, бро, — Макс отбивает Дэну кулак. А затем переводит взгляд на меня. — А вот тебя, Кэп, только что красиво отшили. Что это было? Что за дерзкая цыпа за кассой? Она на тебя так посмотрела, будто ты ей под дверь нагадил.

— Да, Марк, я впервые вижу девчонку, у которой от тебя не подкашиваются ноги, — поддакивает Глеб, с интересом поглядывая на витрину. — Кто такая?

— Это Сковцова, — мрачно бросаю я, разваливаясь на стуле. — Мой новый репетитор по эконометрике.

Парни на секунду замолкают, переваривая информацию, а затем взрываются диким хохотом.

— Репетитор?! — сквозь смех выдавливает Фил. — Эта мелкая строит самого Марка Соболева? Да ладно!

— Завалите, — я устало тру переносицу. — Ректор приставил её ко мне. Сказал, или она вытянет меня из долгов, или я вылетаю. Приходится терпеть. Две недели помучаюсь, сдам этот чёртов экзамен, и забуду, как её зовут.

Дэн, отсмеявшись, задумчиво трёт подбородок. Его глаза скользят по фигуре Таи, которая у кассы яростно оттирает тряпкой и без того чистое стекло.

— Знаешь, бро... А ведь она тебя реально ни в грош не ставит. Не ведется ни на внешность, ни на бабки. Вызов брошен.

— И что? Мне плевать, — вру я, потому что её пренебрежение бесит меня до зубного скрежета.

— Спорим? — вдруг выдает Дэн, и его глаза загораются тем самым азартным, дьявольским блеском.

Мы все замолкаем.

— О чём? — я медленно приподнимаю бровь.

— Спорим, что ты не сможешь её сломать? — Дэн наклоняется через стол, понижая голос, чтобы нас не услышали посторонние. — Эта твоя училка слишком правильная и колючая. Я ставлю свой новый «Мерс», который мне батя на днюху подогнал, против твоего «Ренджа». Ставлю на то, что ты не затащишь эту Снежную Королеву в свою постель до конца передачи.

Я замираю. Поворачиваю голову и снова смотрю на Таю. Она о чём-то спорит со вторым администратором, упрямая прядь волос выбилась из строгого хвоста.

Она унизила меня в библиотеке. Она унизила меня сейчас, при друзьях. Она искренне считает меня тупым качком с деньгами папочки.

«Ты не сможешь», — звенит в голове вызов Дэна.

Мой взгляд снова скользит по её точеной фигурке в розовом поло. Затащить в постель эту колючую, высокомерную заучку, сорвать с неё этот дурацкий фартук и показать, кто здесь на самом деле устанавливает правила? Сбить с неё эту ледяную спесь, заставив стонать моё имя, а заодно утереть нос Дэну и получить ключи от новенького немецкого спорткара?

Звучит как идеальный план.

Я перевожу тяжелый взгляд на друзей. На моих губах сама собой появляется холодная, расчётливая усмешка.

— Ты только что проиграл свой «Мерс», бро. Я в деле.

Глава 8 (Тая)

Прошедшие два дня сливаются для меня в один бесконечный, размытый кляксой марафон. Лекции, семинары, смены в кафе-мороженом, бессонные ночи над конспектами... Я живу на автопилоте и литрах дешевого кофе из автомата. Но больше всего мои нервы выматывает ожидание сегодняшней пятницы.

В нашу первую встречу я от злости вывалила на Соболева просто гору домашки. Дала ему список сложных терминов, которые нужно было вы зубрить наизусть, и два десятка типовых задач. Я была на двести процентов уверена, что этот мажор даже не откроет тетрадь.

Всю дорогу до библиотеки я мысленно репетирую гневную речь и готовлюсь тащить его за шкуру к ректору.

Но когда Марк появляется за нашим дальним столом, всё идет не по плану. Его как будто подменили.

Куда делась вся та наглая, снисходительная дерзость, с которой он изводил меня в первый день?

Сегодня он молча садится напротив, вытягивает длинные ноги и... кладет передо мной тетрадь, исписанную его размашистым, угловатым почерком.

Я недоверчиво пробегаю глазами по строчкам. Он подготовился. Да, формулы выведены криво, в паре мест есть глупые ошибки в вычислениях, но он реально пытался их решить, а не рисовал мячики!

Пряча шок за маской строгой училки, я указываю ему на ошибки и выдаю новое, более сложное задание на закрепление.

Пока Марк, нахмутив брови, скрипит ручкой над дисперсией, я позволяю себе немного выдохнуть. Достая из рюкзака свой главный талисман — темно-синий блокнот-молескин. Бережно открываю его на закладке и аккуратно, выводя каждую букву, дописываю самое последнее, финальное предложение своего мотивационного эссе для лондонской стажировки. Готово. Я с облегчением захлопываю блокнот и кладу его на самый край стола.

Перехожу к объяснению новой темы. И вот тут начинается странное.

Марк не пререкается. Не пытается закинуть ноги на стол. Но от этого мне становится только хуже. Потому что вместо откровенного хамства он включает режим затаившегося хищника.

Пока я объясняю ему свойства коэффициентов, он даже не смотрит в тетрадь. Его темные глаза неотрывно следят за моими губами, за тем, как я поправляю выбившуюся из хвоста прядь. Он постоянно, будто невзначай, нарушает личные границы: наклоняется слишком близко, так, что наши плечи почти соприкасаются, и я снова тоню в этом сводящем с ума запахе кедров и цитрусов.

— Ты вообще меня слушаешь? — я раздраженно замолкаю, чувствуя, как щеки предательски горят от его откровенного, раздевающего взгляда.

— Очень внимательно, крошка, — его голос звучит низко, с легкой хрипотцой. Губы растягиваются в ленивой улыбке. — У тебя очень... выразительная артикуляция.

— Соболев, если ты не прекратишь пялиться и не решишь это уравнение, я клянусь, я вылью на тебя свой кофе.

Он тихо смеется, поднимая руки в примирительном жесте.

— Сдаюсь, злая училка.

Он небрежно тянется за ручкой, но делает это так неаккуратно, что цепляет локтем мою стопку тетрадей и задачник.

— Черт! — я тут же ныряю под стол, собирая листы.

Марк опускается следом. Его горячие, сильные пальцы на секунду накрывают мою ладонь, тянущуюся к полу. Меня снова прошивает током от этого прикосновения, я резко вырываю руку и, подхватив задачник, быстро возвращаюсь на стул.

К концу занятия у меня гудит голова от напряжения. Как только время выходит, Марк поднимается, легко закидывает рюкзак на плечо и бросает на меня странный, торжествующий взгляд.

— До вечера, Скворцова.

Я только фыркаю ему вслед. До вечера? Ну уж нет, на сегодня моя норма общения с мажорами исчерпана.

Я начинаю методично складывать вещи в рюкзак. Пенал, учебник, конспекты... Стоп.

Мои руки замирают. Я лихорадочно перерываю содержимое рюкзака, затем перетряхиваю все листы на столе. Заглядываю под стул.

Пусто. Моего синего блокнота нигде нет.

Я чувствую, как паника ледяными тисками сжимает горло. Я же точно помню, что положила его на край стола!

Экран моего телефона внезапно загорается. Сообщение с незнакомого номера:

«Ищешь свой синий блокнот с плаксивыми сочинениями про Лондон? Он у меня. Хочешь получить обратно в целости и сохранности? Жду тебя сегодня в 22:00 на "Весеннем круизе". И да, Тая. Дресс-код — никаких серых мешков. Удиви меня. М.С.»

Я перечитываю текст дважды. В глазах темнеет.

Ах ты ж подлый, манипулятивный, наглый... Он специально устроил этот цирк под столом, чтобы отвлечь меня и стащить блокнот!

Новая волна ужаса накрывает меня с головой, смывая первоначальный гнев. В этом блокноте не просто черновик эссе! Там записаны мои личные, сокровенные мысли. А на последних страницах — пароли от всех учебных порталов и личных кабинетов. Что, если он решит взломать мою почту? Или, что ещё хуже, в отместку за все унижения выйдет на этой своей пьяной мажорской тусовке к микрофону и начнёт при всех зачитывать мои записи, высмеивая мои мечты?

Да я же сквозь землю провалюсь от стыда! Моя репутация будет уничтожена.

Нет. Я не могу этого допустить.

Через двадцать минут я вихрем врываюсь в нашу комнату в общежитии. Лера сидит на кровати в одном халатике и красит ногти, напевая какую-то песенку.

— Лера! — рычу я, бросая рюкзак на пол. — Во сколько начало этой дурацкой вечеринки на теплоходе?!

Подруга вздрагивает, едва не размазав лак. Её глаза округляются до размеров блюдца.

— В восемь вечера посадка... Тась, ты чего?

— Я иду, — чеканю я, скрещивая руки на груди и тяжело дыша. — Этот придурок Соболев украл мою личную вещь. Я поднимусь на этот чертов корабль, вытрясу из него свой блокнот и убью его на месте.

Секундное оцепенение Леры сменяется восторженным визгом. Она отбрасывает кисточку с лаком и бросается ко мне, хватая за плечи.

— Да плевать на причину! Ты идёшь! Господи, Скворцова, мы сделаем из тебя такую бомбу, что этот Соболев сам тебе все блокноты мира принесет в зубах!

Следующие три часа превращаются для меня в настоящий ад, который похуже эконометрики. Лера включает режим безумного стилиста. Она перерывает весь свой гардероб, отбрасывая в сторону топики и мини-юбки, бормоча, что «тут нужна элегантная провокация».

В итоге она впихивает меня в потрясающее платье-комбинацию из плотного шёлка глубокого изумрудного цвета. Оно на тонких бретельках, с открытой спиной и мягко струится по фигуре, обрисовывая изгибы, которые я так старательно прятала за толстовками.

— Лер, оно слишком... открытое, — я смущённо дергаю подол, разглядывая себя в мутное зеркало общаги.

— Оно идеальное! — отрезает подруга, вооружаясь щипцами для завивки.

К девяти вечера я не узнаю девушку в зеркале. Волосы уложены крупными, небрежными волнами, падающими на открытые плечи. Легкий макияж подчеркивает глаза, делая их огромными и выразительными, а на губах мерцает ягодный блеск. Никаких очков — пришлось надеть линзы, которые я берегла для особых случаев.

— Ты просто отвал башки, Скворцова, — благоговейно выдыхает Лера, надевая свои туфли на шпильке. — Погнали. Разобьем парочку сердец!

Такси привозит нас к центральной набережной. Ночной город сверкает огнями. Огромный трехпалубный теплоход качается на волнах, сияя гирляндами и оглушая басами модной музыки. На трапе толпятся разодетые студенты, смех разносится над темной водой.

Я поеживаюсь от прохладного весеннего ветра, чувствуя себя абсолютно чужой на этом празднике жизни. Но отступить некуда.

Я крепче сжимаю в руках маленький клатч, который всучила мне Лера, вздергиваю подбородок и уверенно ступаю на деревянный настил трапа.

Глава 9 (Марк)

За час до вечеринки я стою перед зеркалом в своей комнате и небрежно закатываю рукава чёрной рубашки. Настроение паршивое, несмотря на предстоящую тусовку.

Дверь за моей спиной открывается без стука. В отражении появляется грузная фигура отца. Он даже дома выглядит так, словно готов прямо сейчас проводить совет директоров: жесткая линия губ, холодный, сканирующий взгляд.

— Надеюсь, ты не забыл наш уговор, Марк? — его голос звучит ровно. — Твои тусовки — это прекрасно. Но время идет. До экзамена осталось меньше двух недель.

Я медленно поворачиваюсь к нему, застегивая дорогие часы на запястье.

— Я помню, пап. Репетитор найден, процесс идет.

— Смотри мне, — отец прищуривается. — Если через две недели я не увижу закрытую ведомость, ключи от машины и карточки положишь прямо на этот стол. Мне не нужен наследник, который не способен решить элементарную проблему.

— Всё под контролем, — отвечаю я абсолютно спокойно, выдерживая его взгляд.

Я не идиот и прекрасно понимаю: он не блефует. Бизнес не терпит слабаков, и отец воспитывает меня по тем же волчьим законам. И, честно говоря, я это уважаю. Просто ненавижу, когда меня загоняют в рамки сухой академической теории, которая в реальной жизни не работает.

Я выхожу из дома на прохладный вечерний воздух и направляюсь к своему внедорожнику. У кованых ворот меня уже ждет Анжела.

Она разодета так, словно мы идем по красной дорожке в Каннах: обтягивающее платье в пайетках, идеальная салонная укладка, губы блестят от дорогой помады.

— Марк! — она расплывается в улыбке, поправляя декольте. — Привет, а ты на машине? Может подвезёшь?

Я окидываю её взглядом, и внутри не шевелится абсолютно ничего. Красивая картинка. Идеальный, дорогой фасад. Но за этим фасадом — пустота. Ни одной живой эмоции, ни одной собственной мысли, которая не касалась бы новых шмоток, сплетен или количества лайков в соцсетях.

— Извини, Анжела. У меня ещё есть дела по пути, — я натягиваю дежурную вежливую улыбку, обходя её. — Поеду один. Увидимся на палубе.

Она недовольно поджимает губы, и как верная собачонка понимающе кивает.

Я сажусь в салон своего «Ренджа», захлопываю дверь и откидываюсь на кожаное сиденье. Достая из кармана тёмно-синий блокнот, который сегодня так удачно «увёл» у Сковорцовой, и кручу его в руках.

Я не собирался рыться в ее грязном белье. Мне не интересны ее пароли или личные секреты. Но когда я открыл его на случайной странице, мой взгляд зацепился за текст. Это было то самое мотивационное эссе для стажировки в Лондоне.

И я прочитал его. От первого до последнего слова.

Откинув блокнот на пассажирское сиденье, я завожу мотор. В голове до сих пор крутятся её строчки. В них не было заученных академических фраз — там была живая, пульсирующая амбиция. Эта девчонка реально, до дрожи в пальцах, грезит Лондоном. Она расписала такие схемы оптимизации корпоративных налогов, до которых додумается не каждый топ-менеджер моего отца.

Она пашет официанткой, зубрит ночами и пробивает себе дорогу сама. Когда у человека есть такая масштабная, настоящая мечта — это вызывает невольное уважение.

Я вспоминаю свою бывшую, Сесту. Вспоминаю Анжелу, которая осталась стоять у ворот. У тех на уме только новые кофточки, брендовые сумки и удачный ракурс для фото. Скворцова выбивается из этой серой массы пластиковых кукол. Она настоящая. Колючая, злая, умная.

И сегодня она должна сдать.

Я бросаю блокнот в бардачок и с громким щелчком закрываю его. План идеален в своей простоте: я уже скинул ей сообщение. Она примчится на этот теплоход, злая как черт. Я выведу ее с шумной палубы на парковку, посажу в свою машину под предлогом вернуть блокнот. Замкну двери. А дальше... дальше дело техники. Я соблазню свою строгую училку. Ей это даже пойдет на пользу — снимет напряжение, перестанет так трястись над своими формулами. В конце концов, секс со мной еще никому не вредил. А я убью сразу двух зайцев: выиграю новенький «Мерс» Дэна и собою с этой заучки её ледяную спесь.

Через сорок минут я паркуюсь у центральной набережной. Теплоход уже гудит басами, сияя огнями на тёмной воде.

Я поднимаюсь по трапу, привычно сканируя обстановку. Вечеринка организована грамотно. Это только для первокурсников здесь просто алкоголь и танцы. Я же вижу картину целиком: вон там, в VIP-зоне на верхней палубе, трутся представители компаний-спонсоров университета. Присматривают перспективных выпускников. В баре льют дешевый алкоголь, но подают его в дорогих бокалах — классическая оптимизация бюджета от студсовета. Толпа шумит, фальшивые улыбки сверкают в свете стробоскопов.

Я пробираюсь сквозь толпу к барной стойке, где меня уже ждет моя команда.

— О, Кэп прибыл! — Дэн салюует мне бокалом. Глеб и Макс одобрительно гудят.

Я беру со стойки стакан с ледяной водой с лимоном — пить перед завтрашней утренней тренировкой я не планирую, мне нужна ясная голова для моего плана.

— Ну что, Соболев? — Дэн хитро прищуривается, опираясь локтем о барную стойку. — Как там дела с нашей цыпой? Снежная Королева еще не растаяла?

Я делаю глоток ледяной воды и абсолютно уверенно, с легкой усмешкой смотрю другу в глаза.

— Всё отлично, Дэн. Можешь мысленно прощаться со своим «Мерсом». Готовь ключи, сегодня я закрою этот спор.

Дэн хмыкает, собираясь что-то ответить, но вдруг его взгляд фокусируется на чём-то за моей спиной. Он выпрямляется, и на его лице расплывается довольная, хищная улыбка. Он громко, с расстановкой присвистывает.

— А вот и моя Лерочка. Твою мать... а кто это с ней?

Я лениво поворачиваю голову, делая очередной глоток воды.

Мой взгляд скользит по толпе и останавливается на двух девушках, спускающихся по ступеням с верхней палубы. Одна — блондинка Лера, сияющая как медный таз. А вторая...

Вода попадает не в то горло. Я резко закашливаюсь, сжимая стакан так, что толстое стекло жалобно скрипит.

Глубокий изумрудный шёлк струится по идеальной, точёной фигуре, облекая тонкую талию и крутые бёдра. Открытые хрупкие плечи, копна тяжелых, волнистых волос и огромные, горящие яростью глаза, которые сейчас ищут в толпе только одну цель. Меня.

Я судорожно сглатываю, чувствуя, как воздух разом вышибает из легких, а кровь мгновенно отливает от головы и бросается куда-то вниз.

Охренеть.

Это же моя заноза.

Глава 10 (Тая)

Басы бьют по ушам, стоит мне только ступить на верхнюю палубу теплохода. Вокруг море огней, смеха и алкоголя. Лера почти мгновенно растворяется в толпе, заметив кого-то из чирлидеров, а я остаюсь стоять у бортика.

Мимо проплывает официант с подносом. Я решительно перехватываю один хрустальный бокал с шампанским. Никогда не пью на тусовках, но сейчас мне просто необходима капля алкоголя, чтобы не развернуться и не сбежать.

Я делаю маленький глоток, охлаждающий горло, и тут же чувствую на себе чужой, тяжёлый взгляд.

— Кого-то ищешь, Золушка?

Я медленно оборачиваюсь. Марк. В чёрной рубашке с закатанными рукавами, с этой своей фирменной, наглой полуулыбкой на губах. Но его глаза... они сейчас темнее обычного. Он жадно, абсолютно без стеснения скользит взглядом по моему открытому платью, задерживаясь на линии декольте дольше, чем позволяют приличия.

Я заставляю себя дышать ровно и вздергиваю подбородок.

— Где мой блокнот, Соболев?

— В целости и сохранности, — он делает шаг ко мне, сокращая дистанцию. — Лежит в бардачке моей машины на парковке. Пойдём, спустимся на берег, и я лично передам его тебе из рук в руки.

Я тихо, саркастично фыркаю, делая ещё один глоток шампанского.

— Ты держишь меня за наивную первокурсницу, Марк? Пойдём в твою машину? Seriously? Это твой коронный ход?

Его ухмылка становится шире. Он подходит вплотную, опираясь локтем о фальшборт рядом со мной.

— А ты боишься остаться со мной наедине в закрытой машине, Сковорода?

— Я боюсь умереть от скуки, слушая твои плоские подкаты, — парирую я, глядя ему прямо в глаза. — Принеси блокнот сюда. Сейчас же.

— Я читал его, Тая, — вдруг понижает голос Марк, и вся его насмешливость куда-то испаряется. — Твоё эссе. Лондон, серьёзные финансовые схемы... У девочки в сером худи оказались наполеоновские амбиции.

Я замираю. Внутри всё сжимается от возмущения, что он рылся в моих мыслях, но я не позволяю себе ни единой эмоции.

— Раз читал, значит, понимаешь, что я пойду по головам ради этой цели. И твоя пустая голова для меня не препятствие. Если ты не вернёшь мою вещь, я прямо сейчас звоню ректору и заявляю о краже. Как думаешь, это поможет тебе на пересдаче?

В его взгляде вспыхивает неподдельный интерес и что-то похожее на азарт. Мы фехтуем словами, как на дуэли, и, чёрт возьми, мне начинает казаться, что ему это нравится не меньше, чем мне.

— Ты опасная девчонка, Сковорода. И в этом платье... — он не договаривает, его взгляд падает на мои губы.

— Соболев! — раздаётся сзади громкий бас его друга. — Иди сюда, тут тренер звонит! Марк недовольно морщится, словно его вырвали из транса.

— Никуда не уходи, — бросает он мне, отступая на шаг. — Я сейчас вернусь, и мы продолжим наши торги.

Он скрывается в толпе. Я с облегчением выдыхаю и отхожу к самому краю палубы, к низкому декоративному ограждению, чтобы подставить пылающее лицо прохладному ночному ветру.

Но моё одиночество длится недолго.

Сбоку ко мне подлетает высокая брюнетка в вызывающем платье, расшитом пайетками. Я узнаю её. Это Анжела, второкурсница, которая вечно крутится возле их баскетбольной компании.

Она останавливается напротив, тяжело дыша и сканируя меня полным ненависти взглядом.

— Думаешь, вырядилась и всё можно? — шипит она, как рассерженная кобра. — Решила нацепить шёлк и склеить Соболева?

— Девушка, вы ошиблись адресом. Я его репетитор, — спокойно отвечаю я, делая глоток шампанского.

— Репетитор? Ну да, конечно! — Анжела делает шаг ко мне, загоняя меня к самым перилам. — Я видела, как он на тебя смотрел! Слушай сюда, серая мышь. Соболев — мой. Поняла? Держи от него свои грязные руки подальше!

Я смотрю на её перекошенное от злости, идеальное кукольное лицо и внезапно понимаю странную вещь. Внутри меня что-то неприятно дёргается. Какая-то острая, необъяснимая заноза от того, что на него такой сумасшедший спрос, и что эта девица заявляет на него права.

Меня это... задело?

Но я лишь усмехаюсь, глядя на неё сверху вниз.

— Забирай. Могу даже бантиком перевязать, если он сам к тебе пойдёт. Но судя по тому, что он только что стоял со мной, а не с тобой, у тебя проблемы, милая.

Глаза Анжелы наливаются кровью. Она начинает истерично орать, привлекая внимание окружающих, размахивая руками.

— Да ты просто нищенка! Заучка! Ты ему на один раз!

У меня заканчивается терпение. Я абсолютно спокойно, с лёгкой полуулыбкой на губах, наклоняю руку. Золотистое, шипучее шампанское из моего бокала льётся прямо на её безупречное, расшитое пайетками декольте.

Анжела издаёт пронзительный визг.

— Какого черта?!

— Ой. Качнуло, — невозмутимо произношу я.

Краем глаза я вижу, как сквозь толпу к нам пробирается Марк.

— Девочки, вы чего тут устроили?! — рявкает он, пытаясь протиснуться к нам. Где-то позади него заливисто хохочет новый бойфренд Лерки, снимая происходящее на телефон.

Не успеваю опомниться, как разъярённая Анжела с диким криком бросается на меня и со всей силы, обеими руками, толкает меня в грудь.

Мои каблукы скользят по влажной палубе. Ограждение здесь слишком низкое — оно едва достаёт мне до бедра.

Я взмахиваю руками, пытаюсь удержать равновесие, но центр тяжести уже смещён. Мир перед глазами делает резкий кувырок. В лицо бьёт ледяной порыв ветра, крик Марка тонет в шуме, а в следующую секунду тёмная, ледяная вода залива с оглушительным всплеском смыкается над моей головой.

Глава 11 (Тая)

Тёмная ледяная толща смыкается над моей головой, мгновенно выбивая из лёгких остатки воздуха. Холод настолько пронзительный, что тело сводит судорогой. Я пытаюсь взмахнуть руками, но намокший шёлк платья тянет вниз, а туфли кажутся свинцовыми гириями. Паника первобытным ужасом сжимает горло. Я захлебываюсь, погружаясь в чернильную темноту залива.

И вдруг сильные руки мёртвой хваткой вцепляются в мои плечи.

Мощный рывок — и мы пробиваем поверхность воды. Я судорожно, со всхлипом втягиваю в себя спасительный воздух, заходясь в хриплом кашле.

— Держу, Скворцова! Дыши! — голос Марка звучит прямо над моим ухом, хриплый и сорванный. Он крепко прижимает меня к себе, одной рукой отчаянно загребая ледяную воду, а другой удерживая меня на плаву.

Сверху летят крики, луч прожектора бьёт по глазам. Какие-то парни с палубы бросают нам спасательный круг на верёвке, кто-то тянет руки. Нас буквально вытаскивают на борт общими усилиями.

Я падаю на мокрые деревянные доски, дрожа так сильно, что не могу даже сесть. Зубы выбивают безумную дробь. Кто-то из команды теплохода накидывает мне на плечи колючий шерстяной плед.

Марк падает на колени рядом со мной. С него ручьями стекает вода, мокрая рубашка облепила широкую грудь. Он подхватывает меня, вместе с пледом, и крепко, до хруста в ребрах, прижимает к себе. Я чувствую, как бешено и гулко колотится его сердце. Его руки дрожат. Главный мажор университета, ледяной и самоуверенный Соболев, сейчас напуган до смерти.

— Марк... — раздаётся рядом тонкий, дрожащий голос Анжелы. Она стоит в стороне, испуганно прижимая ладони к груди. — Марк, клянусь, я не хотела... Она сама поскользнулась...

Соболев медленно поднимает голову. В его тёмных глазах плещется такая первобытная, тёмная ярость, что Анжела невольно отшатывается назад.

— Закрой рот, — рычит он так тихо и жутко, что толпа вокруг замолкает. — И исчезни с моих глаз, пока я сам не вышвырнул тебя за борт!

Он подхватывает меня на руки, как пушинку. Я настолько напугана и обессилена, что просто утыкаюсь мокрым лицом в его шею, позволяя ему унести меня с этого проклятого корабля.

Мы спускаемся по трапу и идём по пустой набережной к парковке. Марк распахивает дверь своего внедорожника и бережно сажает меня на переднее сиденье.

Я кутаюсь в плед, оставляя на кожаном салоне мокрые пятна. Марк садится за руль, мгновенно заводит двигатель и выкручивает педаль на максимум. Горячий воздух бьёт по заледневшим ногам.

Я смотрю на него. С его тёмных волос капает вода, челюсти плотно сжаты.

— Ну вот... — мой голос дрожит, и я пытаюсь криво усмехнуться. — Ты... ты всё-таки добился своего, Соболев. Затащил меня... в свою машину.

Он замирает, его руки на руле напрягаются. А затем он поворачивается ко мне, тяжело выдыхает и открывает бардачок.

— Я представлял себе этот момент немного иначе, Скворцова. И уж точно без угрозы для твоей жизни, — тихо отвечает он.

Из бардачка он достаёт металлическую фляжку (мой синий блокнот сиротливо лежит там же, но мне сейчас абсолютно плевать на него). Марк скручивает крышку и подносит горлышко к моим губам.

— Пей. Это виски. Надо согреться.

Я делаю глоток. Обжигающая жидкость огненным шаром прокатывается по горлу и падает в желудок, вышибая слёзы.

И тут меня накрывает.

Сначала это просто нервный смехок. Затем ещё один. Адреналин, страх, холод, напряжение последних дней — всё это смешивается в безумный коктейль. Я начинаю смеяться. Громко, искренне, абсолютно истерично.

Я толкаю дверь машины, выбираюсь наружу, путаясь в пледе, и иду к парапету набережной. Мокрый подол платья липнет к ногам, морской, солёный ветер бьёт в лицо, треплет волосы, а я раскидываю руки в стороны и кружусь на месте, задыхаясь от смеха и подступающих слез.

Хлопает дверь. Марк подходит ко мне. Он тоже смеется, но немного нервно, сбрасывая оцепенение.

— Скворцова, ты ненормальная, — он качает головой. — Что с тобой? У тебя шок?

Я останавливаюсь, глядя на него сквозь слезы. Дыхание сбилось.

— Я сломалась, Марк, — выдыхаю я, и улыбка медленно сползает с моего лица, оставляя только обнажённую правду. — Прямо сейчас... что-то внутри просто треснуло по швам.

Он делает шаг ближе, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Я всю жизнь была кому-то должна, понимаешь? — меня прорывает, слова льются сами собой. — Школу нужно закончить с золотой медалью. Иначе никак. В универе нужно идти на красный диплом. Я должна работать, должна не подвести родителей, должна доказать всем, что девочка из провинции чего-то стоит. Я пахала, как проклятая, ради этой стажировки. А сегодня... когда я летела в эту чёрную воду, у меня вся жизнь перед глазами пронеслась.

Я делаю судорожный вдох, глотая солёный от моря и слёз воздух.

— И я поняла, что в этой жизни не было... меня. Я ни дня не жила для себя. Я не делала того, что хочу лично я. Я так устала, Марк. Я просто чертовски устала быть идеальной.

Марк молчит. Он медленно протягивает руку и перехватывает мои ледяные пальцы, согревая их в своих больших, горячих ладонях. Его большой палец успокаивающе поглаживает мою кожу.

— А чего хочешь ты, Тая? — его голос звучит глубоко, тихо, пробираясь под самые рёбра. — Чего ты на самом деле хочешь?

Я замираю. Ветер словно стихает. Я смотрю в его тёмные, такие сейчас понимающие и глубокие глаза, поджимаю дрожащие губы и шепчу:

— Любви.

Его взгляд теплеет. Марк улыбается, не той своей фирменной, наглой и сальной ухмылкой, а открыто, искренне, так, как, кажется, не улыбался никому в этом универе.

— Ты настоящая, — выдыхает он, делая ещё один шаг и оказываясь непозволительно близко.

Я удивленно вскидываю на него глаза.

— Мой отец держит меня в таких тисках, что иногда дышать больно, — тихо шепчет Марк, не выпуская мою руку. — Вся моя жизнь — это расписание, оправдание его ожиданий, статус. Баскетбол — единственное место, где я могу быть собой. А эта учеба... это же просто сухая теория, Тая. Я знаю и умею в бизнесе гораздо больше, чем написано в твоих учебниках, но я вынужден играть роль дурака, чтобы хоть как-то бунтовать против его контроля. Мы с тобой... мы очень похожи. Оба заперты в чужих ожиданиях.

Я не верю своим ушам. Звезда кампуса, надменный мажор прямо сейчас стоит передо мной промокший насквозь и раскрывает мне свою душу.

Между нами больше нет брони. Нет оценок, конспектов, социального статуса. Только двое замерзших, уставших людей на пустой набережной под шумящим ветром.

Марк поднимает свободную руку и осторожно, кончиками пальцев, заправляет мне за ухо мокрую прядь волос. Его ладонь ложится на мою ледяную щеку, обжигая жаром.

Он медленно наклоняется. Я не отстраняюсь, лишь прикрываю глаза, чувствуя, как сердце сбивается с ритма.

Его губы касаются моих. Легко. Невесомо. Бесконечно нежно...

Глава 12 (Марк)

Я стою напротив неё на пустой, продуваемой ветром набережной и просто не могу ответить взгляд.

— И я поняла, что в этой жизни не было... меня. Я ни дня не жила для себя. Я не делала того, что хочу лично я. Я так устала, Марк. Я просто чертовски устала быть идеальной.

Её слова пробивают мою броню наскво

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.